

**Тезисы выступления
Директора Центра по изучению проблем контроля над
вооружениями, энергетики и экологии Е.П. Бужинского**

на расширенном заседании Экспертно-консультативного совета
ПИР-Цentra и Международного клуба «Триалог»

04.10.14.

Уважаемые коллеги, разрешите мне, так как я тоже числюсь в списке выступающих, высказать свои соображения по проблематике контроля над вооружениями.

К сожалению, существующая на настоящий момент обстановка межгосударственных отношений между Российской Федерацией и странами Запада, в первую очередь Соединенными Штатами Америки, не внушает оптимизма относительно продолжения консультаций, переговоров по ключевым вопросам контроля над вооружениями. Доктор Рауф высказал мысль о том, что существует возможность еще одного раунда сокращений по стратегическим наступательным вооружениям. Я бы не стал выражать оптимизма по этому поводу. С моей точки зрения перспектив продолжения переговоров с Соединенными Штатами [Америки] в обозримой перспективе по дальнейшему снижению количества боезарядов, называлась цифра в 1000 боеголовок и в экспертном сообществе, и американцы, и президент Обама упоминал эту цифру, наверное, с точки зрения военной, политической целесообразности можно было бы пойти, конечно, на снижение и до 1000, и количество носителей можно было бы немножечко уменьшить, но еще раз повторю, я не вижу перспектив в нынешних условиях для продолжения переговоров и консультаций на эту тему. Тем не менее, я не разделяю каких-то опасений, что, либо Соединенные Штаты [Америки], либо Российская Федерация выйдут из этого договора, и договор прекратит свое существование. Я думаю, политически это было бы самоубийственно для той и другой стороны, поэтому договор будет выполняться, он будет выполнен, и <те уровни - 1700-2200 - которые были обозначены - до исправления спикером> тот уровень в 1550, который был обозначен в СНВ-3, и 800 - по носителям, он будет достигнут к [20]17 году, как это предусмотрено договором.

Есть еще один аспект ядерного разоружения - это вопрос о так называемом тактическом, или нестратегическом ядерном оружии. Вопрос наиболее болезненный для наших западных партнеров. Все прекрасно вы знаете, что официально вопрос так называемого диспаритета между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки был, во-первых, зафиксирован в резолюции Сената при ратификации договора СНВ-3 и в итоговой декларации Лиссабонского саммита НАТО, где опять же говорилось о диспаритете в области тактических ядерных вооружений.

Я с этим не согласен, потому что роль тактического ядерного оружия в военной доктрине Соединенных Штатов [Америки] и Российской Федерации совершенно

различна. Соединенные Штаты [Америки] так же, как и в ракетах средней и меньшей дальности, не нуждаются в данных видах вооружения для защиты своей национальной территории в силу чисто географического принципа: союзник на севере, почти союзник на юге, два океана. Единственная роль, которую выполняет тактическое ядерное оружие в военной доктрине Соединенных Штатов [Америки], - это поддержание так называемое "трансатлантической связки" и наполнение ядерного потенциала НАТО. Но ядерный потенциал НАТО вполне может быть наполнен и французским и английским ядерным оружием, необходимые средства могут быть и переброшены с континентальной части, поэтому я думаю, что Соединенные Штаты [Америки] вполне могут вывести те 200 авиационных бомб, которые в настоящее время находятся на территории пяти западноевропейских стран.

Что касается Российской Федерации, то здесь, конечно, положение совершенно иное. Имея на протяжении своих сухопутных границ три государства-официальных обладателей ядерного оружия, одно официальное [государство] - член пятерки [СБ ООН], двух фактических обладателей и еще двух стран - так называемых пороговых. Конечно, для Российской Федерации тактическое ядерное оружие - это единственное региональное средство ядерного сдерживания. Поэтому, когда мы говорим о диспаритете, я считаю, что нужно считать ядерные потенциалы в совокупности. Если говорить об общем количестве боезарядов, которые находятся в распоряжении Соединенных Штатов [Америки] и Российской Федерации, то они равны - приблизительно по 4000 боезарядов. Другое дело, что у Соединенных Штатов [Америки] больше стратегических, у Российской Федерации больше нестратегических, но это опять же, я повторяю, вопрос того места и роли, которое тактическое или нестратегическое ядерное оружие занимает в военных доктринах и военных планах этих государств.

Тем не менее, как бы это ни парадоксально звучало, я думаю, что, когда и если начнется нормализация отношений между Соединенными Штатами [Америки] и Российской Федерацией, именно вопрос о тактическом ядерном оружии может послужить тем спусковым крючком, который начнет процесс улучшения отношений. Я не говорю о сокращении тактического ядерного оружия, на чем настаивают наши западные партнеры. Позиция Российской Федерации по данному вопросу была неоднократно озвучена президентом, министром обороны, министром иностранных дел. Сокращение в обозримой перспективе вряд ли возможно, однако определенные меры транспарентности вполне реальны. Начиная с объявления запасов, потому что в настоящее время запасы, по крайней мере, Российской Федерации официально не объявлены - ни то, что находится на вооружении, ни то, что ожидает утилизации. Я думаю, что эти цифры вполне могли бы быть обнародованы. Существует еще целый комплекс мер доверия, на которые могли бы пойти Соединенные Штаты [Америки] и Российская Федерация.

Следующий вопрос - это вопрос противоракетной обороны. Опять же в нынешних условиях ни о какой возможности заключения какого-либо соглашения между Соединенными Штатами [Америки] и Российской Федерацией по ограничению систем противоракетной обороны я не вижу. Более

того, мне кажется, что совершенно неслучайно последние несколько месяцев на фоне украинского кризиса некоторые участники альянса допускали такие "проговоры", что пора, наконец, заявить о том, что создаваемый европейский сегмент глобальной ПРО Соединенных Штатов [Америки] направлен и против потенциала сдерживания Российской Федерации, хотя данные "проговоры" были опровергнуты прежде всего Соединенными Штатами [Америки] и ведущими европейскими участниками альянса; тем не менее я думаю, что они неслучайны, потому что это действительно так. Говорить о гипотетических иранских ракетах, тем более, гипотетических корейских ракетах, которые угрожают Европе и Соединенным Штатам [Америки], конечно, с моей точки зрения, довольно наивно.

Несколько слов об обычных вооружениях, которые тоже являются важной составляющей повестки дня контроля над вооружениями. Все вы прекрасно знаете, что Договор об обычных вооружениях [19]90 года фактически не действует: в 2007 году Российская Федерация приостановила выполнение этого договора в силу его полнейшего несоответствия реалиям современной обстановки. С учетом того, что, по крайней мере, один из военных блоков давно прекратил свое существование, а второй существенно расширился за счет Варшавского договора, говорить о соблюдении положений блокового договора с теми цифрами, которые были определены в этом договоре, и ограничениями довольно затруднительно. Адаптированный договор [19]99 года под надуманными предложениями в силу так и не вступил, потому как не был ратифицирован странами-участницами НАТО. Поэтому в настоящее время в области контроля над обычными вооружениями создан определенный вакуум.

Перспективы заключения нового договора, на чем в последнее время начали настаивать наши западные партнеры, тоже довольно туманны, потому что, с моей точки зрения, говорить об ограничении пяти категорий, которые значились и в изначальном договоре, и в его адаптированном варианте довольно тоже уже не современно. Ограничивать танки, артиллерию, боевые бронированные машины в современных условиях, наверное, малоперспективно. Вряд ли кто-нибудь предполагает, что на европейском континенте в обозримой перспективе развернутся танковые сражения с участием сотен и тысяч танков, сотен стволов артиллерии. Вся практика конфликтов за последние двадцать с лишним лет свидетельствует о том, что, начиная с Югославии, Ливии, что успех достигался путем использования крылатых ракет морского и воздушного базирования, палубной авиации и наземной авиации. Поэтому, если говорить о заключении нового договора, то, во-первых, нужно согласовывать новые категории, по крайней мере, беспилотных летательных аппаратов и, возможно, крылатых ракет. Практика показывает, что согласование каких-то новых категорий может занять годы, если не десятилетия.

И еще один фактор, есть так называемое согласие принимающего государства - host nation consent знаменитый - который препятствовал, исключал возможность даже приступить к началу переговоров из-за позиций Запада по Абхазии и Южной Осетии. Сейчас, после воссоединения Крыма с Российской Федерацией, я думаю, получилось еще одно согласие принимающего государства, которое

вряд ли позволит приступить к каким-нибудь продуктивным переговорам по новому договору.

И, наконец, Венский документ [2011 года] - единственный рабочий документ, который остался в распоряжении участников на европейском континенте (кстати, так же, как и договор по открытому небу, очень неплохо сработал во время горячей фазы украинских событий), - опять же инструмент устаревший, который нуждается в значительной модернизации. Предложения по модернизации Венского документа находятся на столе переговоров: это и пересмотр квот в сторону увеличения посещений по оценке и инспекции, это и возможное увеличение состава инспекционной группы, увеличение продолжительности проведения посещений по оценке и инспекции, снижение порогов уведомляемой наблюдаемой деятельности, потому что те пороги, которые обозначены даже в действующем документе, не актуальны. Уже никто учения с участием тысячи танков, 10 - 25 тысяч личного состава уже давным-давно не проводит. Возможность такая [по модернизации документа] есть. Я думаю, что странам-участницам Венского документа, особенно, с учетом уроков украинского кризиса, который, к сожалению, еще не завершен, необходимо составить цельное предложение по этому поводу.

Спасибо. На этом я завершу свое выступление.